

Валентин Лаврентьевич ЯНИН

ВСТРЕЧА В БОЛЬШОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ЗАЛЕ

1 СЕНТЯБРЯ 2000 ГОДА

У нас в гостях — крупнейший ученый, выдающийся гуманитарий нашего времени, историк и археолог мирового класса Валентин Лаврентьевич Янин. Имя Валентина Лаврентьевича более полувека связано с Великим Новгородом. Под его руководством проводятся самые крупномасштабные городские археологические раскопки. Недаром во всем мире Великий Новгород сегодня называют русской Троей, а Янина — великим новгородоведом. Новгород — судьба Янина, а Янин — судьба Новгорода. И потому, может быть, самая высокая награда для Валентина Лаврентьевича — звание «Почетный житель Новгорода».

Только избранным дано при жизни стать классиками. Валентин Лаврентьевич из их числа, потому что его исследования совершили переворот в нашем историческом сознании. Ему мы обязаны новым представлением о прошлом русского народа, о его величии, культуре и грамотности в Средние века.

За научный подвиг Валентин Лаврентьевич отмечен отечественными званиями. Он — академик и член Президиума Российской академии наук, лауреат Государственной и Ленинской премий, премии имени М. В. Ломоносова I степени, Демидовской премии. Перечислить все должности Валентина Лаврентьевича невозможно, но даже те, которые я назову, позволяют сделать вывод не только о широте научных интересов ученого, но и об огромном, подчас неведомом потенциале, заложенном в человеке природой. Валентин Лаврентьевич показывает нам, каким высоким может быть этот потенциал.

Академик Янин заведует кафедрой археологии исторического факультета МГУ. Он — член Комиссии по особо ценным объектам культуры при Президенте Российской Федерации, председатель Музейного совета при Российском фонде культуры, член Государственной комиссии по реституции культурных ценностей, председатель специализированного совета по археологии и этнографии, член специализированного совета Института археологии Российской академии наук, научный руководитель Новгородского филиала Института истории Академии наук, член редколлегии научных и научно-популярных журналов «Российская археология», «Вестник Московского университета. Серия “История”», «Вопросы истории», «Знание — сила».

Попробую, если это вообще возможно, хотя бы пунктирно обозначить научные интересы Валентина Лаврентьевича: история, археология и источниковедение, генеалогия и метрология, исследование берестяных грамот, нумизматика, сфрагистика (наука о печатях), эпиграфика (наука о древних надписях), лингвистика, историческая топография и топонимика, монументальное и прикладное искусство, библиография, музыковедение — все это области практической научной работы академика Янина. Встреча с Валентином Лаврентьевичем заставила меня усомниться в справедливости афоризма Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное». Академик Янин — гигант, по масштабам сравнимый разве что с людьми эпохи Возрождения.

Еще до войны отец Валентина Лаврентьевича подарил ему небольшую коллекцию монет. Трудно было придумать лучший подарок. Эти монеты притягивали его, как магнит, они захватили его полностью и навсегда. Он окончил школу с золотой медалью, блистательно сдал вступительные экзамены в Московский государственный университет на исторический факультет. Монеты были темой его дипломной работы. В 22 года Янин — аспирант кафедры археологии исторического факультета МГУ. В 25 лет защищает

кандидатскую диссертацию «Денежно-весовые системы домонгольской Руси». И первая его книга была на эту же тему.

Можно только горько пошутить, что самому автору многолетние занятия монетами «золотых гор», увы, не принесли. Как и большинство российских ученых, Валентин Лаврентьевич не избалован достатком. Единственная роскошь в его более чем скромной новгородской квартире — это книги.

В 1954 году в возрасте 25 лет Янина принимают на работу младшим научным сотрудником на кафедру археологии истфака МГУ. С тех пор вся его жизнь связана с этим крупнейшим и старейшим университетом России. С 1958 по 1964 год он старший научный сотрудник, далее — профессор, а с 1978 года и до настоящего времени — заведующий кафедрой археологии Московского государственного университета.

В июле 1947 года в составе группы студентов второго курса Янин приехал в Новгород для работы в археологической экспедиции, которой руководил профессор Артемий Владимирович Арциховский. Эта поездка оказалась отправной точкой взлета будущего ученого. Янину, конечно, повезло с Новгородом, в культурном слое которого оказались бесценные находки, привлечшие внимание всего мира. Но и Новгороду повезло с талантливым, ярким исследователем, в совершенстве владеющим научной методикой и обладающим тем, что не достигается никаким обучением и может быть дано только Богом — научной интуицией.

В Новгороде ученого ждало самое замечательное археологическое открытие XX века — новгородские берестяные грамоты. Это новый пласт и новый вид источников в истории. И в их исследовании нет никого в мире, равного Янину. Хотелось бы, чтобы Валентин Лаврентьевич чаще приезжал к нам в гости, и у нас была возможность подробнее узнать о разных аспектах его научной и просветительской деятельности.

А сегодня я хотел бы рассказать вам о том очищающем воздействии, которое оказал на меня и людей моего поколения Валентин Лаврентьевич. Он помог нам переосмыслить ценности прошлого, сформировать незашоренный идеологическими догмами взгляд на подлинную историю нашей страны. Мы выросли на концепции киевоцентризма. Валентин Лаврентьевич убедительно доказал, что колыбелью русской государственности был не Киев, а Новгород.

Не случайно именно в Новгороде в 1862 году был открыт памятник «Тысячелетие Руси». Долгое время господствовала норманнская теория. Да, князь, действительно, был призван со стороны, но на условиях, в которых не было ничего унижительного для русского самосознания. Князь не имел права владеть ни единым клочком новгородской земли, не имел права распоряжаться доходами и расходами.

Помню, как жадно читали мы Карамзина, Ключевского, Соловьева, Милюкова, когда на книжных прилавках в свободной продаже появлялись труды этих корифеев истории. Но Василий Осипович Ключевский полагал, что на Руси не было ремесел, а Павел Николаевич Милюков был убежден в том, что население Древней Руси было поголовно неграмотным. Что же осталось от их теорий, когда оказалось, что в древнем Новгороде были десятки ремесленных мастерских, технологии в которых в те времена были на том же уровне, что и в прославленных мастерских Ближнего Востока и Западной Европы? Вот оно, истинное прошлое русского народа!

Что касается грамотности, берестяные грамоты показали, что в настоящей переписке — когда один отправляет, а другой получает послания — участвовали все слои населения, в том числе и крестьяне. Грамотными были и мужчины, и женщины. Вот вам и поголовная неграмотность русского народа!

Нас в свое время убеждали, что у шедевров искусства Древней Руси зарубежные корни. И здесь Янин и Новгород внесли свои коррективы. В слоях XI века найдены деревянные резные колонны, на которых изображены точно

такие же сюжеты, как, например, и на белокаменной резьбе храмов города Владимира. Вот где корни чуда, вот где его истоки — в Новгороде! Древнерусское искусство по существу анонимно. Валентин Лаврентьевич решил немислимую по своей смелости задачу персонификации этого искусства. Так, Янин установил имя одного из авторов всемирно известных фресок церкви Спаса на Нередице, расписанной в конце XII века, — Олисея Гречина. Валентин Лаврентьевич раскопал его усадьбу, проследил его жизненный путь.

Нынешний сезон археологических раскопок для Валентина Лаврентьевича был едва ли не самым удачным. Мир уже в который раз заговорил о сенсационном историко-культурном открытии: археологическая экспедиция академика Янина обнаружила памятник древнерусской письменности, который предварительно датируется концом X века. Причем это — настоящая книга. Если принадлежность находки к концу X века подтвердится, то изменится представление о времени появления письменности на Руси. До сегодняшнего дня древнейшим датированным памятником древнерусской письменности считалось Остромирово евангелие (1056–1057). Похоже, что этот «рекорд» побит!

Хотелось бы сказать несколько слов о педагогической деятельности Валентина Лаврентьевича. Гуманитарные науки наиболее динамично развиваются на базе высшей школы. Как правило, крупнейшие историки стремятся преподавать в вузах. Валентин Лаврентьевич не исключение: он — профессор, заведующий кафедрой МГУ, создатель научной школы, основанной на комплексном методе научных исследований. Валентин Лаврентьевич — непримиримый противник авторитарного принципа обучения. Уже больше двадцати лет подряд каждый вторник на кафедре проводится семинар академика Янина, который называют новгородским. Этот семинар очень демократичен: здесь примут и выслушают и доктора наук, и первокурсника, и не важно,

москвич ты или иногородний. Студенты за глаза иногда называют этот семинар Валентина Лаврентьевича, впрочем, как и его самого, «фабрикой идей».

Мне очень симпатична гражданская позиция Валентина Лаврентьевича. Он никогда не ловчил, не принимал игру по заданным правилам, был чужд идеологической конъюнктуре. Вы, наверное, знаете, что в советские времена, чтобы издать книгу, надо было продемонстрировать свою лояльность, верноподданничество, процитировать Маркса, Энгельса, Ленина, руководителей партии и правительства. Валентин Лаврентьевич за свою жизнь написал почти тысячу статей, книг, монографий и умудрился ни в одной из них не сослаться на классиков марксизма-ленинизма. Напротив, он относился к ним с неуважением. В том-то и дело, что он считал их великими учеными, которые многого достигли в своей области. Но академик Янин полагает, что к цитированию классиков активно прибегают те исследователи, у которых не хватает своих мыслей и специальных источников. У Янина есть одна все определяющая цитата — собственноручно добытый факт. Вот пример по-настоящему свободного, независимого, уважающего себя ученого.

Известно противостояние Валентина Лаврентьевича и мэра Москвы Ю. Лужкова. Лужков намеревался восстановить исторический облик Красной площади, а академик Янин заявил, что тот вид, который площадь имеет сегодня, и есть исторический — он сложен самой историей.

Во времена СССР Янин был активным противником правительственного проекта по переброске северных рек в бассейн Волги.

В прошлом году академика Янина, в связи с семидесятилетием, собирались представить к государственной награде. Валентин Лаврентьевич заранее от нее отказался. Подчеркиваю — заранее, не демонстративно, без заявлений журналистам: «Вот, мне дали, а я отказался». Академик Янин никого не захотел ставить в сложное положение и отказался заранее — поступок не просто смелого человека, а настоящего интеллигента. Валентин Лаврентьевич

сказал, что он принципиально не может принять награду от власти, которая ввергла в нищету науку и культуру.

Валентин Лаврентьевич нетерпим к дилетантизму. О так называемой «хронологии» академика Фоменко, о которой мы и сегодня, наверное, поспорим, он отзывается как о роде недуга, при котором авторитет в одной области науки эксплуатируется ради самоутверждения в другой.

В обыденной жизни Валентин Лаврентьевич прост, демократичен, доступен — радуется успехам коллег, любит веселый анекдот, неистощим на дружеские розыгрыши. Он любит и знает литературу, искусство, может наизусть декламировать не только Пушкина, но и многих современных поэтов. Валентин Лаврентьевич собрал обширную фонотеку русской музыки начала XX века. У него есть такие записи, которых нет даже в Центральном государственном архиве звукозаписи. Он блистательно читает лекции по теории русской музыки.

Сейчас я припомнил стихи одного молодого красноярского поэта, диалог ведут он и она:

— А почему я постарел, а ты не постарела?

— Ты на плохих людей смотрел, я — на тебя смотрела.

Хочу, чтобы вы всмотрелись в удивительно благородное, красивое лицо академика Янина и запомнили его. И тогда, как и он, будете безупречно шагать по жизни, как подобает российскому интеллигенту.

Александр Запесоцкий

КУЛЬТУРА ОБОГАЩАЕТ ЧЕЛОВЕКА

Думаю, здесь было сказано много лишнего, постараюсь внести некоторые коррективы, но сначала — главное: не надо приписывать Янину все, что было сделано в Новгороде. Я возглавляю большой коллектив исследователей,

археологов, в котором участвуют и московские, и питерские ученые, коллеги из Екатеринбурга и из других городов. Все, что сделано в Новгороде, — это большой коллективный труд, проверяемый спорами, дискуссиями, несогласиями, в результате чего получается истина. Так что половину того, что приписывают мне, я переадресую своим коллегам по экспедициям.

Мне в жизни повезло дважды. Мой учитель, Артемий Владимирович Арциховский, любил говорить, что деятельность археолога на 99 % состоит из терпения, а на 1 % — из удачи. Когда я по окончании первого курса в 1947 году в составе экспедиции впервые приехал в разрушенный войной Новгород, когда там начались серьезные археологические раскопки, мне стало понятно, что удача в Новгороде встречается археолога на каждом шагу. Это невероятная сокровищница наших знаний о прошлом, еще не открытых и не востребованных.

Мы многое успели сделать за 70 лет, в течение которых в Новгороде ведутся раскопки, но за это время вскрыто всего-навсего 2 % древнего культурного слоя города. Представьте себе, сколько открытий ждет нас на 98 % еще неисследованных территорий древнего Новгорода! Эти открытия будут сделаны нашими потомками через 100, 200, 300, 1000 лет. Даже тысячи лет, наверное, не хватит для того, чтобы исследовать Новгород полностью.

Первый успех, невероятное археологическое счастье пришли ко мне в 1951 году: 26 июля были найдены берестяные грамоты. Первая такая находка была сделана не на моем раскопе, а на соседнем, я был только свидетелем этого открытия. Зато вторая, третья и четвертая грамоты были найдены в моем раскопе. С тех пор в Новгороде найдено более 900 берестяных документов. Они ввели нас в гущу таких событий, о которых мы и не надеялись узнать до того, как были открыты эти документы. Ведь документы, с которыми имеет дело историк, изучая прошлое, освещают минувшие века односторонне.

До сих пор главным источником наших знаний о русском Средневековье была летопись. Но ведь интерес летописца всегда был избирателен, целенаправлен, он писал о том, что было необычно, а не о том, что было известно его отцу, деду и прадеду. Об этом зачем писать? Это и так все знают. Современный историк интересуется больше всего теми процессами, которые не видны на большом расстоянии и которые могут быть исследованы только изучением деталей, отсутствующих в летописи, в юридических документах.

Юридический документ, законодательство, любая грамота, которая основывается на законе, всегда консервативны — ведь закон отражает некую норму, давно принятую и долгое время остающуюся неизменной, хотя жизнь уже ушла далеко вперед. Так что официальные документы не создают адекватной картины прошлого. Берестяные же грамоты — как осколки разбитого в древности зеркала: каждый отражает маленькую частицу давно ушедшего бытия, и наша задача — сложить из них целое зеркало, чтобы в нем отразилась эпоха. И не одна, а все столетия с X века, времени начала истории Новгорода, до конца XV века, потому что более близкие к нам эпохи — это достояние исследователей, изучающих письменные источники.

Только подумайте: человек жил, мучился, радовался, его занимали разные повседневные заботы. Эти радости, горести и ежедневные хлопоты отразились в его берестяных текстах. Мы берем их в руки и читаем имя человека, которого не помнили даже его правнуки, которого уже не знает ни одна душа на земном шаре. Человек бесследно исчез, и вдруг оказывается, что он живет. У М. Светлова есть великолепное стихотворение о том, что волны звуков уходят далеко в космос, и если мы эти волны поймаем, то услышим рев мамонта, голоса наших предков, потому что ничто в мире не исчезает, а остается хотя бы в затухающих звуках.

Наше дело — только усилить это звучание. Берестяные грамоты точно так же усиливают звучание голосов, которые давно и, казалось бы, навсегда

замерли. Нас окружает хор голосов. Открывая берестяные грамоты, найденные позднее, мы встречали в них имена уже знакомых нам людей, мы как будто беседовали с уже известными нам по прошлому, позапрошлому году авторами или адресатами берестяных документов.

Можно сказать, что сегодня я приехал к вам из X века. Сейчас идут раскопки слоев того времени, и я полон идеями и находками, которые относятся к этой эпохе. В этом году ко мне пришло второе археологическое счастье. Оно ознаменовало конец тысячелетия. В этом тысячелетии ничего более серьезного в археологии средневековой Руси, по-видимому, обнаружено не будет. Не думаю, что кому-то еще так везло в жизни, как мне, даже Шлиману. Хотя он нашел Трою, но не ту, о которой мечтал, и в Микенах работал, но и там открыл не совсем то, на что надеялся. А на мою жизнь выпало два таких великих открытия! Об одном из них я хочу рассказать немного подробнее.

До сих пор во всем славянском мире самой древней датированной книгой было Остромирово евангелие, которое было написано в 1056–1057 году. Ни на Руси, ни в Болгарии, ни в Сербии, ни в Македонии, ни в Хорватии — нигде в славянском мире нет ни одной книги, которая была бы датирована более ранним временем.

Правда, есть несколько рукописей, которые суммарно датируются X–XI веком. Но поиски аргументации этой датировки не приводят к какому бы то ни было успеху, просто по традиции принято считать: X–XI век. А ближе они к XII веку или к IX — ни один исследователь ответить не может. И вот в этом году произошло чудо: 13 июля в Новгороде найдена книга, причем в слоях, относящихся к первой четверти XI века.

Должен сказать, что к датировке находок, тем более столь важных, мы относимся очень осторожно, но о первой четверти XI века я могу говорить с полной уверенностью, за это я головой отвечаю. Возможно, эта книга даже старше: когда будет вскрыто все, что еще не докопано на двенадцатом Троицком

раскопе, быть может, мы получим какой-то достоверный ориентир, и эти хронологические «ножницы» будут выглядеть иначе. Пока же будем говорить о первой четверти XI века.

Находка, о которой я сейчас расскажу, была надежно перекрыта остатками древнего сруба. При помощи дендрохронологии (а это самый надежный метод датировки, с точностью до года дающий порубочные даты) мы определили, что он был сооружен в 30-х годах XI века. А наша уникальная находка была на 30–40 сантиметров ниже. Так что эта вещь попала в землю приблизительно двумя десятилетиями раньше.

Что же она собой представляет? Это так называемый триптих — три деревянные доски, соединенные между собой штырями, благодаря чему они имеют вид некой книги. Внутренние поверхности досок вынуты, выемки сделаны в виде киосов, заполненных воском. Эти поверхности четырех страниц плотно исписаны мелким почерком: на каждой странице — примерно 22–23 строки. Помножьте их на 4 — мы получили почти 100 строк, целиком сохранившихся на воске.

Первая страница выглядит почти идеально, со второй и третьей, которые были в центре на очень тонкой двусторонней дощечке, воск частично осыпался, и сейчас в процессе реставрации идет подборка фрагментов, установка их на те места, откуда отвалились эти кусочки. Четвертая страница сохранилась лучше, чем вторая и третья, но хуже, чем первая. Когда с раскопа в лабораторию доставили эту находку, у меня в глазах потемнело: казалось, что ни одного слова не увижу и не пойму, хотя прекрасно было видно, что она вся исписана. К сожалению, у меня нет слайда, и я могу только показать фотографию первой страницы книги размером 20 x 15 см в том виде, как она была найдена.

Сейчас страницы книги демонтированы: поскольку они находились в сыром грунте, доски, на которые нанесен воск, насыщены влагой. Для того чтобы высушить их и стабилизировать, необходимо снять воск, иначе он будет

коробиться, рассыплется, отвалится и пропадет. Поэтому сейчас воск снят, уложен на стекло, а после того как доски будут стабилизированы, его вернут обратно.

Так вот, сначала казалось, что ни одного слова разобрать невозможно, но потом слова стали читаться. И первая фраза, которую удалось прочесть, была такой: «А запрещения твоего Божьем и Яковле воздремаши вседшие на кони». Фраза сохранилась целиком, и по фразеологии стало очевидно, что это самая популярная и в Древней Руси, и в более поздние времена церковная книга — Псалтырь. Просмотр Псалтыри по современному изданию, которое продается сейчас в церковных лавках, помог установить, что это 75-й псалом Асафа.

Когда стало ясно, что это такое, удалось прочитать и не очень хорошо сохранившуюся страницу: на ней были видны окончание 75-го псалма и начало следующего, 76-го. Знание того, какой текст написан, пусть с отменами, с некоторыми разночтениями с современным церковным текстом, дало возможность найти свое место каждому осыпавшемуся кусочку, так как мы уже знали, где что должно быть, что чему должно соответствовать.

Итак, мы прочли два псалма, и сразу возникли проблемы. Известно, что псалмы в церкви читаются по кафизмам, состоящим из нескольких псалмов. Все прочитанные нами оказались из 10-й кафизмы. Но первых псалмов, которые начинают эту кафизму, нет.

Что же представляет собой наша находка? Быть может, это какая-то часть большой Псалтыри, одна из ее тетрадей, а вся Псалтырь выглядела как множество деревянных наощенных дощечек? Но после 76-го псалма просматривался некий полустертый текст, который лучше всего сохранился в конце. Мы установили, что это 67-й псалом, который относится к 9-й кафизме. Вот тут уж стало совершенно непонятно, что это за очередность псалмов. Нарушение всех церковных канонов!

Мы очень хорошо понимали, что Псалтырь — самая читаемая книга в древней, средневековой, да и в новой Руси. Православные, жившие в разные века, в том числе и в X, знали псалмы наизусть. Например, в тексте, который мы обнаружили, есть такие слова: «В море путие твои, и стези твоя в водах многих...» Вам это ничего не напоминает? А мне сразу напомнило стихотворение Пушкина «19 октября», ту строфу, которая обращена к его лицейскому однокашнику Матюшкину, мореплавателю: «В морях твоя дорога». У Пушкина на слуху были слова псалма, и он их преобразовал в стихотворную строку.

Но вернемся к нашей находке. Как объяснить непонятную последовательность текстов? Как объяснить, что именно самые известные слова из него: «Да воскреснет Бог и расточатся врази его», оказались стертыми? Почему их стерли? Все было непонятным, пока не пришло осознание, что мы имеем дело с тем, что в пергаментном деле называется полимсестом: сначала был написан один текст, потом он был стерт и поверх стертого был написан новый, который и дошел до нас.

Немного позднее к работе над этим памятником культуры присоединился академик Андрей Анатольевич Зализняк. Наша дружба, наш союз с этим замечательным лингвистом, выдающимся ученым нашего времени — это некий символ. Любая наука развивается путем дифференциации, в ней появляется много разных разделов, дисциплин, и люди, которые исследуют их, постепенно перестают понимать друг друга.

Я, например, занимался нумизматикой, хорошо знаю среду нумизматов: им, кроме монет, ничего не надо, они, как правило, не вписывают свои выводы в общеисторические. А тем, кто занимается изучением, допустим, древнего права, совершенно безразлично, были в это время монеты или нет. Разные отрасли исторического знания разошлись в стороны, потому что их специфика, исследовательские методики различны. Эти обстоятельства требуют, чтобы

каждое направление было изучено особым образом. Так же произошло с историей и филологией. Когда-то они составляли единое целое, существовали историко-филологические факультеты, а потом историки стали заниматься своими вопросами, филологи — своими.

Когда в Новгороде были найдены берестяные грамоты, мир истории, который предстает перед нами в безмолвном великолепии бытовых находок, предметов, окружающих человека в древности в обстановке его дома, его двора и так далее, вдруг дополнился словом. Тогда и потребовалось участие филолога, лингвиста, помогающего историку в общении с тем, что он, может быть, иногда неверно трактует или неправильно понимает. Андрей Анатольевич Зализняк помогал нам не раз. Занялся он и этим источником.

Результаты его исследований совершенно поразительны. Оказалось, что кроме написанного по стертому воску нового текста под воском на самих дощечках и на их бортах нанесены многочисленные надписи, которые с трудом различимы. При правильно подобранном освещении и увеличении эти царапины складывались в слова. Академик А. А. Зализняк с трудом, но все-таки рассмотрел их.

И вот что он обнаружил на деревянных бортиках церы (цера по-латыни — «воск» и одновременно «восковая табличка для письма»). На первой странице написано «ИСХС», то есть Иисус Христос, на второй странице — Псалтырь, на третьей сверху (это чрезвычайно важно) — оригинальный текст, которого в Псалтыри мы не найдем: «Без чину службы и числу же всех без отпевания душ». На бортике, внизу — продолжение: «...без от себе прогнания всех людей, без отлучения алчущих знания». Эта надпись продолжается на четвертой странице: вверху — «Сия книга Псалтырь сиротам и вдовицам утешение мирное» и внизу — «Стран ищущим недвижимое море, раб ищущим несудимое начинание».

Что означает эта надпись целиком? Еще раз вернусь к первым строкам. Эта книга, «сия книга», как называет ее человек, который ею владел, предназначена не для службы, то есть не для литургии, «не для часов», то есть не для отпевания усопших, — она необходима тем, кто алчет знания и кто получает из этого чтения утешение мирное, то есть для мирского чтения. Значит, это первая книга для чтения, учебник — то, с чего начинается просвещение, знание!

Под воском на первой странице были обнаружены еще 32 строки. Не буду все их читать, но там было своеобразное молитвенное заклинание: «Аз есмь истины и законы пророци, аз есмь истины, и путь, и стезя, аз есмь дверь, и истина, и путь, и стезя...» И так далее. Многократно повторяются одни и те же слова, а потом фраза заканчивается: «Все словеса Иисуса, к сему работаем, а не к идольскому служению». В Евангелии этих слов Иисуса нет. Там есть, скажем, такие: «Аз есмь дверь овцам...» В нашей находке автор текста берет только одно слово из евангельского речения, присоединяет к нему еще одно из другого места и создает некий свой текст.

И наконец, последнее. Оказалось, что на всех этих досках внизу последняя строка выглядит так: «Пойте, пойте (по два раза), славите Бога», а на последней странице — «Бога нашего». Это то, что потом в церкви стало произноситься как греческое «Аллилуйя», то есть ранний вариант восхваления Бога этой молитвой по-славянски.

В чем заключается особое значение найденных текстов, что они представляют собой? Древнейшую на сегодняшний день датированную книгу? Конечно, по ней будут сверять все остальные дошедшие до нас и неточно датированные книги и рукописи X–XI века. Думаю, выяснится, что большая их часть относится к более позднему времени. Возможно, найдутся единицы старше, а может быть, и нет. На сегодняшний день это пока древнейший датированный памятник.

Вас, конечно, интересует, кто же их автор. Все надписи — и под воском, и на воске, и первый слой, и второй — сделаны одним почерком. Кто этот человек? Тексты написаны на старославянском языке. На старославянском, или древнеболгарском, до сих пор совершается служба в православной церкви. Но вот такая интересная деталь: в Болгарии, а также в Сербии, Македонии в то время очень четко различались два звука. Они обозначались разными буквами: одна писалась как «у» или как «уу», (дифтонг), а носовой звук изображался буквой «большой юс». В русском языке эти звуки не различались, оба знака обозначали один звук.

И вот здесь, в этой надписи, мы обнаружили около полутора десятков ошибок писавшего, которые выдают в нем русского человека: он пишет вместо «юса» — «уу» и наоборот, для него это безразлично. То есть мы имеем старославянскую рукопись, но с русским «акцентом». Конечно, неизвестно, кем был этот русский человек. Приехал ли он из Киева, был ли он миссионером? Обратите внимание — для Новгорода первая четверть XI века — это 10–15 лет после крещения Руси, а значит, наша находка — одна из первых книг, которые туда попали.

Новгородец или киевлянин автор, мы не знаем, но некоторые возможности установить это обнаруживаются уже сейчас. Существует достоверная новгородская рукопись середины XI века, в которой есть много новгородизмов, то есть в ней зафиксировано свойственное новгородцу оканье. В этой новгородизмов нет, но ряд признаков, в том числе и полиграфических, роднит найденную рукопись с тем, что мы знаем о Новгороде. Возможно, это писал и новгородец.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Валент ин Лаврент ъевич, найдена
дейст вит ельно очень ст арая книга: в чем ж е сост оит практ ический инт ерес
для человечест ва? Самая ст арая книга — эт о как самый большой прыж ок в*

*высот у или как самая высокая скорость в космического корабля. Мы прост о
удовлетворяем свое любопытство, или есть практический результат от этого
открытия?*

— Практический результат такой же, как от любого знания. Ведь в конечном счете, история как наука формирует наше мировоззрение. Я напому вам, что до 1951 года мы читали в трудах ряда солидных исследователей, которые занимались историей культуры, что на Руси знали грамоту только попы и князья, да и то не все. До сих пор предполагали, что XI век — время первоначального формирования грамотности.

Когда мы начинали сезон этого года (а в прошлом году дошли до уровня рубежа первой и второй трети XI века), мы ни в коей мере не рассчитывали на находку каких-либо надписей, потому что прекрасно знали: это первый век русской грамотности. До сих пор у нас найдено всего-навсего примерно 20 документов XI века, и все они тяготели ко второй его половине. А сейчас мы убедились, что в действительности население стало грамотным гораздо раньше. Согласитесь, нам небезразлично, когда началось формирование нашей культуры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Почему?

— Хотя бы потому, что одно из величайших чувств, которое испытывает человек, когда знакомится со своей историей, — это чувство гордости за своих предков. Например, меня это чувство очень сильно подкрепляет и приносит практический результат, призывая на следующий год снова приехать в Новгород, опять работать.

Виктория Антоненко, студентка факультета искусств, специальность — искусствоведение, II курс, пос. Вратель Приморского края: — *Как Вы*

от носит есь к т еории Фоменко? У нее много ст оронников — в прошлом году гост ем нашего Университ ет а был Гарри Каспаров, кот орый очень эмоционально от ст аивал ее. Неуж ели ест ь дост ат очно серьезные аргумент ы в ее поддерж ку?

— Отвечу с удовольствием. Прежде всего — общий тезис. Мне кажется, что наше общество будет развиваться правильно, только если каждый будет заниматься своим делом: шахматисты будут играть в шахматы, математики — заниматься математикой, кинорежиссеры — режиссурой, а не игрой в политику.

Что касается конкретно Фоменко, то он недоступен для дискуссии. Когда его приглашают для обсуждения исторических проблем, например, на исторический факультет МГУ, как в декабре прошлого года, он, как правило, не является, кого-то присылает с магнитофоном записать мнения, чтобы потом самому послушать. Боязнь это или гордость — не знаю. Я с ним общался дважды. Первый раз — на ученом совете МГУ, где он присутствовал.

Профессора-естественники спросили меня, что я думаю по поводу этой теории. Я ответил почти дословно следующее: «В мои молодые годы была очень популярна книга Гашека “Похождения бравого солдата Швейка” (сейчас ее мало читают). Там есть эпизод, когда Швейк попадает в дурдом и встречается с одним профессором, который доказывает, что внутри земного шара находится другой шар, больше первого. Когда я знакоплюсь с тем, что пишет Фоменко, то я чувствую себя таким Швейком, попавшим в дурдом».

Конференция, прошедшая у нас в декабре 1999 года, нашла воплощение в книге, которую я подарил библиотеке вашего Университета. Она называется «История и антиистория. Критика “новой хронологии” академика Фоменко». В ней опубликованы работы ведущих специалистов разных областей. В большой разгромной статье лингвист Зализняк показывает, что Фоменко ничего не

понимает в лингвистике и в трактовке естественных для разных языков похожестей и созвучий многое искажает.

В книге представлены точки зрения филолога и журналиста, историка. В частности, исследователь Античности, хорошо знающий латынь и греческий, показывает, что Фоменко часто пользуется неточными переводами на русский язык, которые служат неверным основанием для его рассуждений. Когда обращаешься к первоисточнику, к древнегреческому тексту, то обнаруживаешь совершенно противоположные исходные данные.

Своим мнением поделились и археологи, и астрономы. Ведущие астрономы — Ефремов и ныне покойный Завинягин — демонстрируют, как Фоменко пренебрегает точным знанием астрономии и пользуется искаженной картиной звездного неба. В книге есть и большая статья физика Дергачева о хронологических шкалах протяженностью более 10 000 лет и статической хронологии Фоменко, несколько статей математиков, которые свидетельствуют, что все, что пишет Фоменко, к математике также не имеет ни малейшего отношения, и никаких математических аргументов в его построениях нет.

Я занимаюсь Новгородом, поэтому меня задело рассуждение Фоменко о том, что никакого Новгорода в действительности не было, а до XVII века он находился в городе Ярославле. Почему в Ярославле? Потому что на Волге есть Нижний Новгород, значит, должен быть и Верхний Новгород, в котором Иван Грозный якобы хотел основать столицу. Дальше Фоменко продолжает свои рассуждения и заявляет, что Романовы в каких-то идеологических целях перенесли эту столицу на место никому не известного городка — небольшой крепости на берегу Волхова, и так там якобы оказался Новгород. Чтобы осуществить эту операцию, Романовым необходимо было перевезти из города Ярославля на место Новгорода 10 миллионов кубометров культурного слоя, выложить этот культурный слой в том порядке, в каком он должен залегать, то есть внизу — слои, относящиеся к ранним временам, вверху — к более

поздним, переложить их мостовыми. Надо было перенести из Ярославля в Новгород все церкви и поставить их на свои места, причем то, что руинировано, воспроизвести в виде руин. Надо было перенести и все окрестные монастыри...

Понимаете, такие «теории» — просто чушь, причем чушь безапелляционная, не выдерживающая никакой критики. Должен сказать, что очень скучно опровергать всю эту «фоменковщину». Хочется заниматься делом, а не разбирать ахинею.

Асель ТУЛЕГЕНОВА, студентка факультета культуры, специальность — журналистика, I курс, г. Актобе: — *Скаж ит е, пож алуйст а, какие различия сущест вуют в концепции московской и пет ербургской ист орических школ, и какие разногласия у них возникают по поводу ист ории средневековой Руси?*

— Я не очень понимаю, в чем состоят эти различия, если они есть. Вообще, мне просто ненавистна вся эта игра в школы. Давайте я о себе скажу. По-видимому, я представляю московскую школу, поскольку вся моя студенческая и научная жизнь прошла в Москве. Кто мои учителя? Мой заочный учитель, человек, чье дело я продолжаю, перед которым преклоняюсь и портрет которого стоит у меня на столе, — Николай Петрович Лихачев, петербургский исследователь конца IX — начала XX века, репрессированный и погибший в середине 1930-х годов. Он занимался комплексным источниковедением. Я следую его идеям, потому что понимаю, что любой предмет необходимо изучать с точки зрения всех источников, которые к нему имеют отношение. Я и стараюсь это делать, занимаясь и нумизматикой, и сфрагистикой, и дипломатикой, и летописанием, и всем прочим.

Другой мой учитель — Александр Александрович Сиверский — петербуржец, бывший камергер императорского двора. Вернувшись из ссылки, он стал заведующим отдела нумизматики Исторического музея. Третий мой

учитель — Иван Георгиевич Спасский — петербургский эрмитажный нумизмат. Вот мои главные учителя. Так какой я школы — московской или питерской? Мои друзья — здесь, в Питере. То, что мы сейчас делаем в Новгороде, противостоит этому искусственному разделению на школы. Мы работаем бок о бок с петербургской экспедицией Евгения Николаевича Носова: он копает на городище под Новгородом, мы копаем в Новгороде, но вся концепция возникновения Новгорода, роли городища, концепция варяжского вопроса в русской истории, могла возникнуть и разрабатываться только путем совместных усилий наших экспедиций — московской и питерской. Конечно, споры у нас возникают. Например, с Игорем Яковлевичем Фрояновым, у которого оригинальная точка зрения на Средневековье. Но это не соперничество школ, а споры одного ученого с другим.

Наталья ПУЧКОВА, студентка юридического факультета, II курс, г. Печоры: — *В некот орых книгах, даж е в учебниках, мож но прочит ат ь, чт о ист ория славян начинает ся задолго до Киевской Руси, и чт о когда-т о на т еррит ории нашего государст ва сущест вовала Великая империя русичей. Скаж ит е, пож алуйст а, насколько эт и предполож ения дост оверны?*

— Любая концепция должна основываться на источниках. Что мы знаем об источниках, касающихся происхождения Руси, ее древности? Начну с северо-запада. Славяне здесь появились в VIII веке — это доказано совместными исследованиями польских, северо-немецких и наших археологов. Они переселились сюда под натиском немцев из южной Балтики. До VIII века на северо-западе жили угро-финны и славянской цивилизации не было.

На юге славянская цивилизация сложилась несколько раньше. Но не 1500 лет назад. Юбилей Киева — миф. Ведь как было дело с этим юбилеем? Археолога и историка Бориса Александровича Рыбакова в Киев пригласил

первый секретарь Украинского комитета партии товарищ Щербицкий, и вместе с Борисом Евгеньевичем Патеном они стали допытываться, почему болгары празднуют 1200 лет государственности, а мы — нет. Чем мы хуже? И называют цифру — 1500 лет. Якобы есть какие-то следы пребывания славян на этой территории в V веке.

С такими мифическими «доказательствами» можно было бы и 2000 лет Киевской Руси праздновать. Что можно сказать о Киеве? По-видимому, он возник в VI–VII веке. Но тогда была представлена смесь разных этнических элементов, в то время не выкристаллизовалось то, что мы называем Русью. Предлагаю верить археологии, ее данным, все остальное — от лукавого.

В связи с Вашим вопросом я хотел бы немного рассказать о еще одной важной находке нынешнего сезона. В этом году в слоях первой трети XI века была найдена очень интересная вещь: берестяной лист, на одной стороне которого процарапано изображение Христа, а на другой — изображение святой Варвары.

Нас эта находка просто шокировала. Почему? Потому что мы работаем в кварталах, находящихся на Древнечерницкой улице. Она получила такое название потому, что на ней жили черницы, а рядом находился женский монастырь, известный с начала XII века. Он назывался Варвариным. Наша находка гораздо старше первых упоминаний об этом монастыре. Значит, лет за 100 до появления первых сведений о Варварином монастыре в этих местах уже была известна святая Варвара.

Святую Варвару почитали южно-балтийские славяне, которые позднее заселили территорию нашего Северо-Запада. Ее считали покровительницей моряков и рыбаков — при раскопках мы находим очень много рыболовецких предметов, остатки лодок и судов. В польской археографии есть рассказы о том, что один рыбак не поверил в могущество этой святой и утонул в день святой Варвары, а другой поверил в нее, помолился ей и прожил до 80 лет.

На найденном нами берестяном изображении лика святой Варвары Андрей Анатольевич Зализняк усмотрел дату. Мы долго не верили в то, что это именно дата, уж больно вторая цифра среди четырех ни на что не была похожа. Он же говорил, что это «ферт», но как бы в половинном размере — левой дужки от буквы «ф» не было. Когда он делал доклад в Москве в Институте вулканологии, один палеограф, который занимается западноевропейским средневековьем, признал в нашем таинственном знаке хорошо известную в латинской палеографии букву «д» двойного абриса, которая изображает ту же цифру 500, что и славянский ферт. По-видимому, эта иконка сделана человеком, который не знал, как 500 изобразить по-славянски, и, используя греческий и латынь, сделал это по-своему, как было принято в каноническом мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Скаж ит е, пож алуйст а, почему ст олицей Руси ст ал Киев, а не Новгород?*

— Это очень долгая история. Начать ее надо с того, почему в Новгороде возникло то, что мы называем «вечевым строем».

При раскопках в Новгороде в слоях первой четверти XII века нашли 51 своеобразный цилиндр. Это такой ольховый или березовый обрубок с одним продольным каналом, а другим — поперечным, в который забит неизвлекаемый клин. Долгое время мы ломали голову, что это такое, пока на одном из таких предметов не обнаружили надпись: «Мечник и мех в Тихмике полчетверта». Тихмика — это речка около озера Вожа, мех — это мешок. На других были надписи: «Емца гривна три», «Мечника гривна три».

Тогда стало понятно, что это некое, как выражаются железнодорожники, запорно-пломбирующее устройство. Меха, которыми собиралась дань, помещались в мешок, через его горловину продевалась веревка, как в рюкзаке, затягивалась, завязывалась узлом, свободные концы этой веревки

вводились в канал обрубка, вместе выводились наружу, завязывался еще один узел, этот узел убирался внутрь цилиндра, после чего вставлялась пробка-клин.

Чтобы из этого мешка что-то украсть, надо было мешок или веревку разрезать или расколоть цилиндр — в любом случае кража была бы заметна. А на цилиндре, который одновременно был замком и биркой, написано, кому предназначается эта часть сбора государственной подати: князю, самому сборщику податей, которому тоже полагался определенный процент, или в церковную казну (десятину).

И вот что самое важное: все эти цилиндры с княжеским знаком на них находились не в резиденции князя, не на городище, не на дворище, а в усадьбах тех самых новгородцев, которым адресованы грамоты, прочитанные нами. Иными словами, это было подтверждением того, что в XI веке князь не имел права в Новгородской земле собирать государственные подати, государственные пошрины с помощью своих людей — он должен был собирать их только руками новгородцев, от них получать дар, то есть жалованье.

Князь не мог претендовать ни на контроль над бюджетом, ни на распределение этого бюджета. Что ж ему было сидеть там, в Новгороде, в такой обстановке? Поэтому уже Олег, следующий за Рюриком, с малолетним Игорем на руках идет оттуда завоевывать Смоленск, потом Киев, убивает Аскольда и Дира. Там он уже не княжит по договору, а как завоеватель сам себе хозяин — сам идет по пунктам сбора дани со своей дружиной, распределяя, что — старшей дружине, что — младшей, что — церкви, что — на оборону государства. Там он владыка всему.

Придя в Киев, он и сказал свои знаменитые слова: «Здесь буде мати городам русским». Из этой его фразы историки делают вывод, что колы Киев — мать городам, то все остальные города моложе, все остальные — дети, а Киев — самый старей город, что и послужило одним из аргументов в пользу дугого 1500-летнего юбилея Киева. А что такое «мати городам»? Мы эти слова до сих

пор повторяем в их оригинальной огласовке: «метрополис», от него — метрополия, метрополитен.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *То есть Русь была не Киевская, а Новгородско-Киевская?*

— Нет, она была все-таки Киевской. Только сначала столица династии была в Новгороде, а затем переместилась в Киев.

Юлия КОРНЕВА, студентка экономического факультета, I курс, Санкт-Петербург: — *Скажи мне, пожалуйста, как Вы относитесь к идеям сториоников «новой хронологии», утверждающим, что современные методы датировки, используемые археологами, не являются убедительными?*

— У Фоменко критика дендрохронологии — основного метода археологической датировки — сводится к тому, что он прочитал популярную книжку академика Янина, в которой этому методу посвящены полторы страницы и нет ни одного графика. Ну какой, скажите пожалуйста, популяризатор науки будет в книге по археологии помещать математические графики? Думаю, ни одной научной книги по дендрохронологии он не читал, а их существует множество, с сотнями графиков, доказательств, обоснований.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Валентин Лаврентьевич, можно очень коротко рассказать об этом методе, потому что наша аудитория — не археологи?*

— Это очень простой метод. Мы все зависим от солнечной активности. Те, кто постарше, страдали этим летом от необычайно высокой активности солнца, частых магнитных бурь — хватались за сердце или валокордин. От солнечной

активности всегда зависела наша планета. В частности, от солнечной активности зависит рост растений. Что это значит? Вы, наверное, знаете библейские слова: «Семь тучных годов и семь тощих были». Если бы мы взяли какой-нибудь египетский сикомор, сохранившийся с библейских времен, и разрезали бы его, то на спиле увидели бы 7 толстых слоев и 7 тонких.

Оказывается, любые 30–35 лет на климатической шкале Земли неповторимы, индивидуальны. Значит, если мы извлекаем из раскопа какой-то остаток сруба или бревно мостовой, берем его поперечный спил, то не только можем сосчитать, сколько лет было этому дереву, но, превратив причудливое чередование толстых и тонких колец при помощи логарифмирования в некую диаграмму, можем обнаружить ее место на общей шкале и утверждать, что это дерево было срублено в 1212 году, а это — в 1410 году, и т. д. Если дом построен из бревен, которые срублены, скажем, в 1410, 1411 и 1412 годах, то, следовательно, он построен где-то в середине 10-х годов XV века. Этот метод лежит в основе наших датировок.

Но по мере углубления в землю мы постоянно проверяем полученные этим методом датировки находками, которые обнаруживаются в ходе раскопок. И если мы вскрываем слой XI века, датированный дендроматериалами XI века, и в нем находим монеты — западноевропейские динарии XI века, то все в порядке. Если бы мы вдруг нашли монеты XII и XIII века, то поняли бы, что здесь уже кто-то когда-то копал и в раскоп попали предметы более поздних времен.

Если в слое XIV века мы находим берестяную грамоту, написанную Анцифором Лукиничем, новгородским посадником, а чуть выше, в следующем слое, — грамоты, написанные его сыном, Юрием Анцифоровичем, то все сходится и можно быть уверенным, что это слой второй половины XIV века. Если мы проникаем в слой X века и там обнаруживаем арабские монеты X века

(а в XI веке они уже не были бы в ходу), то можно быть спокойным за датировку.

Таким образом, идет постоянная перекрестная проверка данных, которые дает естественно-научный метод, и данных, полученных при изучении обнаруженных предметов. Все вещи, окружающие человека, развиваются с течением времени, кроме, может быть, молотка и ножниц, которые, однажды изобретенные, сохраняются в своей рациональной форме в течение веков. А вот, допустим, женские украшения подвержены моде. Украшения XII века совсем не такие, как XI века. Наблюдение эволюции вещей, датированных разными способами, тоже подтверждают правильность дендрощкалы.

Анатолий Тимофеевич Фоменко ни разу в жизни не пожелал побывать в Новгороде, увидеть разрез культурного слоя, посмотреть на спилы и пощупать своими руками то, что мы там делаем. Ему достаточно сидеть за столом и писать, что он в научно-популярной книге Янина не видел графиков, поэтому в дендрохронологию не верит и призывает всех остальных к тому же. Читайте, читайте книги.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Скаж ит е, пож алуйст а, а мет од дат ировки, основанный на радиоакт ивном распаде, дейст вит ельно нет очен?*

— Для нас он менее значим, потому что датирует с погрешностью плюс-минус 50 лет — слишком большой разброс во времени. Мы определяем даты гораздо точнее. Но для более ранних периодов, для бронзового, каменного века, он, конечно, чрезвычайно важен. Там есть свои сложности, есть некоторые споры, но в целом он работает.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Валент ин Лаврент ьевич, ст оронники «новой хронологии» Фоменко задают очень много вопросов, кот орые вполне резонны.*

Например, они ут верж дают , чт о чут ь ли не пот еряна ист очниковая база за 400 лет . Чт о Вы мож ет е сказат ь об эт ом?

— В сборнике, который я вам уже представлял, а также в 31-м томе Трудов Российского исторического общества опубликована статья Кошеленко, посвященная критике взглядов Фоменко. Фоменко вслед за Морозовым утверждает, что никакой Античности у нас не было, что все античные сочинения появились во времена Возрождения, то есть в XV–XVII веках. Кошеленко анализирует византийскую литературу X–XI веков, которая содержит многочисленные ссылки и цитаты древних авторов, что начисто убивает аргументацию Фоменко.

В прошлом году был юбилей Академии наук. Ректор МГУ В. А. Садовничий, который в свое время давал «зеленую улицу» некоторым трудам Фоменко, напечатанным в издательстве Московского университета, поздравлял академиков, которым было присвоено звание «заслуженный профессор Московского университета». Награждаемых в алфавитном порядке приглашали на сцену. И Фоменко тоже. Я думаю, что если следующим за ним буду я, — пойду и откажусь от диплома. Но, слава богу, академик Дмитрий Шарков, атомщик, оказался между нами. А на сцене все ректору пожимают руку и симпатичная девочка вручает цветочек каждому награждаемому. Я поднялся на сцену и сказал: «Виктор Антонович, Вы меня извините, но поскольку Вы такой большой друг Фоменко, я Вам руку пожимать не буду, я лучше девочку поцелую, которая цветочки вручает».

Возвращаясь к теориям академика Фоменко, прошу вас, почитайте сборник статей, познакомьтесь с аргументацией, с критикой теории Фоменко. Сборник трудов Российского исторического общества (31-й том) так и называется — «АнтиФоменко». Он опубликован в 2000 году, и в нем есть очень важные статьи.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Как Вы считаете, почему академик Фоменко, математик, так активно занялся проблемой «новой хронологии»? В истории науки дилетанты нередко совершали прорывы в новые области знаний. Вы предполагаете, что это не так от случая. Но что же движет академиком Фоменко и его последователями?*

— Движущие мотивы я обсуждать не могу, но, как я понимаю, Анатолий Тимофеевич — сравнительно молодой исследователь. Он начал свои псевдоисторические изыскания совсем молоденьким, публиковал первые статьи вслед за Морозовым, пропагандируя его идеи, и не получил никакого отпора, потому что серьезным историкам все это казалось совершенно ненужным, ничтожным и не заслуживающим внимания. Постепенно он обретал притих, к тому же, кстати для него, наше общество вступило в такую полосу времени, когда на первое место вышло то, что называется «чернухой», эпатажем, скандалом.

Каждый из вас смотрит телевизор. Я, правда, его шесть лет тому назад выбросил и видеть не хочу, а пока смотрел — понимал, что общество сейчас жаждет сенсаций — любых, дутых и настоящих. Сочинения Фоменко стали издавать большими тиражами, они приносят ему доход. Книги выходят каждый год, но ничего нового в них нет, это клонирование одного и того же. Появились роскошные издания, которые находят сбыт и за рубежом, и сейчас Фоменко остановиться невозможно.

Когда-то мы обсуждали эту тему с Андреем Гончаровым, крупнейшим математиком, бывшим вице-президентом Академии наук. У него сложилось впечатление, что в один прекрасный момент Фоменко встанет и скажет, что он просто морочил всем голову.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *То есть это все розыгрыш?*

— Не думаю, что когда-нибудь Фоменко признается в чем-то подобном, потому что в своих скандально известных теоретических изысканиях он уже зашел слишком далеко. Он до конца останется на своих позициях, не будет прислушиваться к критике, а будет повторять безапелляционные тезисы, не обращая внимания ни на какие контраргументы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Я заинт ересован в прояснении научной ист ины для ст удент ов. Я не счит аю т еорию Фоменко верной, но полагаю, чт о академик и его сподвиж ники сделали российским ист орикам неоценимый подарок, пот ому чт о обеспечили взрыв инт ереса к ист ории. Вы со мной не согласны?*

— У меня как-то язык не поворачивается благодарить его за такой подарок.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Будь я на Вашем мест е, я бы его обнял и сказал бы огромное спасибо — ведь чем больше людей будет инт ересоват ься ист орией, т ем лучше. Научные ист ины все равно себя уг вердят . Но большинст во молодеж и равнодушно к ист ории, философии, гуманит арным наукам, к подлинно научному знанию, и замечат ельно, чт о идеи Фоменко будоражат общест венност ь. Чем больше споров, т ем больше люди будут инт ересоват ься, ст арат ься разобрат ься, изучат ь факт ы, докапыват ься до сут и. Я думаю, чт о эт о на благо образования и просвещения. Как Вы полагает е?*

— Есть и противоположная точка зрения. Когда мы организовали антифоменковскую конференцию на историческом факультете МГУ, ко мне

подошел один журналист и спросил: «А Вам не кажется, что этой конференцией вы делаете дополнительную рекламу Фоменко?»

В юности на меня произвела сильнейшее впечатление книга испанского автора Сальвадора де Мадарьяги. Он был министром республиканского правительства, потом эмигрировал в Англию, но книгу «Священный жираф» написал еще в Испании, в конце 1920-х годов. В России она была переведена Евгением Бланом, издана в начале 1930-х годов.

Это некая пародия на современные исторические исследования. Что пародируется? Например, там рассказывается о женском государстве в Сахаре в XXX или LC веке нашей эры. Его ученые — докторисы — исследуют европейскую цивилизацию и обнаруживают, что в XIX веке в Европе началось классовое расслоение. Как они это доказывают? При раскопках были обнаружены приборы для улучшения зрения: одни с двумя стеклами — очки, а другие с одним стеклом — монокль. И археологи заключили, что классовое расслоение состояло в том, что богатый человек мог носить два стекла, а бедный — только одно. В таком духе написана вся книга. Но начинается она гениальными словами: «Ничто так не вредит продвижению к исторической истине, как обилие источников. Чем меньше источников, тем больше споров, а как известно, истина рождается в спорах». Думаю, что Фоменко должен разделять эту точку зрения: ему для того, чтобы двигаться, источники вообще не нужны.

Алексей ВАСИЛЬЧЕНКО, студент факультета искусств, специальность — режиссура, I курс, г. Норильск: — *В начале нашей вст речи Вы сказали, чт о испыт ывает е гордост ь за нашу ст рану. Я бы хот ел ут очнит ь: Вы гордит есь великим прошлым нашей ст раны или ее наст оящим? И еще: счит ает е ли Вы, чт о изучение ист ории мож ет способст воват ь рост у пат риот ических наст роений наших соот ечест венников?*

— На первый вопрос я отвечаю «да», на второй — «нет».

Алла САНИНА, студентка факультета искусств, специальность — искусствоведение, I курс, г. Кинель Самарской обл.: — *Скажи ей, пожалуйста, помогает ли Вам семья в археологических исследованиях? И второй вопрос: какие из своих книг Вы считаете наиболее удачными и ценными?*

— Моя жена Ирина Александровна Рыбина — археолог, доктор исторических наук. Она работает в Новгороде вместе со мной, и, естественно, у нас полное взаимопонимание и поддержка.

Теперь что касается книг. Мой учитель Артемий Владимирович Арциховский всегда считал самой важной книгой ту, которую он пишет сейчас. Я считаю, что из моих изданных книг самые важные — «Новгород» и «Литва», вышедшие два года тому назад. Сейчас я работаю над книгой, которая называется «У истоков новгородской государственности». Мне кажется, она сможет заменить одну из самых ранних и наиболее серьезных моих книг — «Новгородские посадники», которая нуждается во многих дополнениях. Через эту новую книгу я вернусь к той, старой, которая, наверное, была самой значительной.

Владислав Кирьянов, студент факультета культуры, специальность — социально-культурная деятельность, III курс, г. Караганда: — *Насколько интуитивно историк Древней Руси западным историкам?*

— В работе новгородской экспедиции много лет постоянно принимают участие англичане, немцы, шведы, датчане, поляки, японцы. В прошлом году был археологический съезд в Борнмуте, курортном городе на юге Англии. Там

работала и специальная новгородская секция, на которой было прочитано около тридцати докладов, в ее работе постоянно принимали участие человек пятьдесят. В этом году мне была присуждена Большая золотая медаль им. М. В. Ломоносова — главная награда Российской академии наук. Одновременно со мной ее вручили Михаилу Мюллер-Вилле, нашему коллеге, который работает в Киле, занимается археологией славян и часто в своих работах опирается на историю и археологию Новгорода.

Наталья СОКОЛОВА, студентка юридического факультета, I курс, Санкт-Петербург: — Отдельные поборники демократии утверждают, что в России первые демократические ростки появились только в 1990-х годах XX столетия. А разве новгородское вече — не свидетельство коллективного решения многих вопросов? Хотелось бы узнать Вашу точку зрения.

— Что касается новгородской демократии, то здесь со времен Радищева, декабристов и Герцена существует ряд преувеличений. Долгое время полагали (так и у Карамзина написано), что 10 000 новгородцев — весь Новгород — сбегались на вече: митинговали все, от мала до велика. Изучение топографии вечевой площади Новгорода показало, что она существовала на участке размером не более 1200 м². Это значит, что вечниками были от 300 до 500 человек — примерно столько, сколько было крупных дворовладельцев в Новгороде. То есть вече было узкосословным органом.

В чем заключался демократизм вечевого строя? Это была демократия для бояр. В чем ее преимущество по сравнению, скажем, с Венецией, с которой Новгород во многом схож? Вплоть до того, что когда в XV веке в Новгороде стали чеканить свою монету, то на ней изображали новгородскую Софию — покровительницу Новгорода и перед ней коленопреклоненного посадника, принимающего знаки власти. Это точная реплика венецианских монет, на

которых изображался святой Марк, покровитель Венеции, и дож, принимающий от него знаки власти. Но венецианский сенат собирался во Дворце дожей, то есть в закрытом помещении, и все обсуждения были кулуарными. В Новгороде все происходило на открытом воздухе, новгородцы могли обступать вечерую площадь и своими криками порицания или одобрения создавать видимость участия в политических делах. То есть возможно было перерастание в митинг.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Валентин Лаврентьевич, значит, можно рассматривать новгородское вече как предтечу демократии?*

— Кое-чему поучиться можно. Во-первых, там было то, что мы называем гласностью. Во-вторых, посадников в Новгороде XIV века переизбирали один раз в год, в XV веке — два раза в год. Если человек не проявлял себя, то давали место другому, если он проявлял себя хорошо, ему продлевали срок в должности. То есть была постоянная отчетность.

Андрей МИЛИЧИХИН, студент факультета искусств, специальность — актерское искусство, II курс, Санкт-Петербург: — *Как известно, Иван Грозный уничтожил Новгород как культурный центр, и город возродился заново. Это нападение на Новгород повлияло на работу современных археологов?*

— Новгороду всю жизнь не везет в том, что в нем время от времени меняется коренной состав населения. Сначала Иван III вывел из Новгорода всю боярскую элиту и заменил ее москвичами. Отсюда — ломка старого порядка, разрыв традиций. Потом Иван Грозный уничтожил город и горожан, после — польско-шведская оккупация 1611–1617 годов. Да и в Отечественную войну город пострадал: было уничтожено коренное население. Сейчас население Новгорода — 250 тысяч, на 90 % это люди, недавно приехавшие туда, еще не

успевшие впитать новгородскую культуру, врасти в эту землю. Частые потрясения, которые переживал Новгород, не лучшим образом повлияли на сохранность его памятников и преемственность некоторых культурных традиций.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Говорят, Вы были т вердо уверены, чт о ж енцинам в науке не мест о. Сохранили ли Вы свою т очку зрения?*

— А где я такую точку зрения высказал? Это совсем не так. Вот мой учитель, Арциховский, действительно был женоненавистником, а я, наоборот, всегда любил женщин. Мне года четыре было, когда мама однажды пришла за мной в детский сад, а меня нет: оказывается, я с девочкой того же возраста ушел к ней домой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Ощущает е ли Вы вост ребованност ь государст вом результ ат ов Ваших исследований?*

— Конечно, нет. Если нам на раскопки приходится деньги на паперти собирать, какая же востребованность государством?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Похож е ли наше время на смут у начала XVII века или на какой-т о другой ист орический период?*

— Я однажды на такой вопрос уже отвечал: да, очень похоже. И добавлю к этому: со временем найдется новый Фоменко, который будет доказывать, что Иван Грозный и Иосиф Виссарионович Сталин — одно и то же лицо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Счит ает е ли Вы, чт о сущест вуют*

закономерность и исторического развития?

— Конечно, существуют. Если человек и произошел от обезьяны, то он все-таки все больше и больше становится непохожим на нее. Есть, конечно, исключения, но в целом-то мы идем вперед. Человек XVIII века не знал Пушкина и Достоевского, мы их знаем — значит, мы стали богаче. Человек XX века знает Пастернака, Мандельштама. Наши потомки будут знать еще больше.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *То есть Вы верите в прогресс?*

— Я верю в прогресс и в то, что культура обогащает человека.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Можно ли на основе современного исторического знания предсказать будущее России?*

— Россия выживет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Завоевание Новгорода Иваном III в 1478 году Вы связываете с возникновением олигархии. Новгород погубили олигархи. Не может ли то же случиться сейчас со всей Россией?*

— Если олигархии дать волю, то, наверное, она способна похоронить Россию. А что касается завоевания Новгорода в 1478 году, тогда происходило много интересного. У меня есть статья о присоединении Новгорода к Москве, в которой представлен анализ тетрадей, сопровождавших Ивана III в походе на Новгород.

Оказывается, когда Иван III пошел в последний поход на Новгород, он не надеялся, что ему удастся завоевать этот город. Он намеревался потребовать от

Новгорода лишь возвращения Двинских земель. Но поскольку к этому времени новгородское население изверилось в своих боярах — тогдашних олигархах, то защищать город было некому, и Новгород, как спелый плод, упал к ногам Ивана III.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Вам удалось найти и изображение Христа и святой Варвары — это о самом древнем из сохранившихся православных изображений святых на Руси?*

— Думаю, да.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Проявляет ли церковь интeрес к такого рода находкам? Каковы Ваши личные взаимоотношения с церковью, верующий ли Вы человек?*

— На третий день после того, как была найдена береста с изображениями ликов Христа и Варвары, мы получили взволнованную телеграмму от Нью-Йоркского библейского общества, которое интересовалось находкой. Примерно в то же время я позвонил в Епархиальное управление и пригласил архиепископа Льва, если ему интересно, посетить нас и посмотреть на эту замечательную берестяную икону. Никакого ответа от епархии я не получил до сих пор.

Мои отношения с церковью можно разделить на две сферы: отношения с Богом и отношения с церковью. Под Богом я понимаю условия человеческого взаимодействия, моральный кодекс, который дан в скрижалях Моисея и записан в Евангелии. С этим меня никто никогда не поссорит. Что касается церкви, то ссоры и споры с ней у меня происходят постоянно. И по-видимому, они углубятся в силу последнего заявления патриарха Алексия II о том, что церковь

намеревается очень твердо и резко поставить вопрос о возвращении ей всего, что у нее было взято.

Церковь сейчас не готова хранить древние произведения искусства, поэтому мы защищаем право музеев, выступаем за то, чтобы великие произведения христианского искусства хранились именно там. Если сегодня вернуть на стены церквей чудотворные и любые древние иконы — «Троицу» Андрея Рублева, «Владимирскую Богоматерь», — то на протяжении двух-трех поколений они покроются слоями копоти от свечей, будут безвозвратно утрачены из-за отсутствия специального температурного и влажностного режима.

Верующий ли я? Я верю в разум человеческий, который создал разумную систему веры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Ведя свои исследования, Вы больше опираетесь на логику и ранее установленные факты или на интуицию?*

— Больше всего опираюсь на источники. Я считаю, что научное исследование состоит в постижении исследователем суммы источников. И если ученый вооружен методикой исследования всех источников, которые имеют отношение к интересующей его проблеме (а себя я считаю таким вооруженным, коль скоро я преуспел в разных областях источниковедения), то этого ему достаточно.

Своим ученикам, аспирантам я всегда рекомендую не начинать исследования с историографической главы, потому что, описав сначала историографию, ученый невольно следует одной из концепций, одной из теорий, которые он выслушал. Следует прежде всего сформировать собственное мнение на основании полнокровного изучения источников, а потом уже заниматься сравнением с другими исследованиями.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Чем обусловлен выбор научной тематики исследования истории Древней Руси для Вас лично?

— Ну, в какой-то мере мы «плывем» за материалом. Когда что-то находишь, понимаешь, что необходимо неотложное исследование: находки дают возможность ставить новые вопросы. Мы каждый год получаем возможность изучать новые проблемы. Ведь в прошлом году не думали, что придется изучать историю святой Варвары, этой берестяной иконки. Жизнь подбрасывает нам новые темы, новые повороты, и в конечном счете все превращается в огромную мозаику, в которой каждый кусочек крепко связан с соседними и каждый фрагмент влияет на создание цельной картины древности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: (читает записку): — *Легко ли будет пот омкам изучат ь нашу эпоху?*

— Наверное, легче, чем нам — Древние века, потому что нашим потомкам останутся книжные, газетные, рукописные и музейные архивы, памятники культуры. Все-таки, худо-бедно, все это мы пытаемся сохранить для потомков, для дальнейшего изучения. Когда мне задают вопрос, как будет называться культура нашего времени с точки зрения археологии, вспоминаю одну из культур неолита в Дании, которая называется культурой раковинокуч. Тогда человек питался раковинами, и остатки его трапез образовали целые завалы. Думаю, что культура нашего времени будет называться культурой битых водочных бутылок — это у нас самый главный и часто встречающийся предмет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Валент ин Лаврент ьевич, расскаж ит е Ваш любимый анекдот или самую смешную ист орию, с Вами приключившуюся.*

— Я люблю то, что называется историческим анекдотом. Вот один из них. Вторая половина XVII века. Тобольский воевода пишет царю Алексею Михайловичу в Москву (это подлинный документ, он был опубликован до революции в одном из номеров «Исторического вестника») такое письмо: «Великий царь и государь! Нынешнего такого-то года наш богоспасаемый град Тобольск наполовину погорел, а из другой половины тараканы побежали. И старые люди сказывают, что-де те тараканы побежали к новому пожару. Укажи, великий царь и государь, как нам быти: ждять ли того пожару или самим зажечь от греха?» Хорошо, да? Но это еще не все. Представьте себе, гонец из Тобольска скачет на лошадке в Москву месяца 2–3 и столько же везет ответ царя тобольскому воеводе. Ответ очень простой: «Вольно тебе, старому дураку, других дураков слушать!»

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Расскаж ит е о своих увлечениях.*

— Много лет я собираю старые граммофонные пластинки. Моя коллекция насчитывает около 6000 дисков, в основном дореволюционных, в ней есть много уникальных вещей, сохранившихся, возможно, в единственном экземпляре. Сегодня в вашей акустической лаборатории мне рассказали, что сейчас появились новые способы компьютерного сохранения старого вокала — это очень интересно.

Как я пристрастился к собирательству пластинок? Когда-то в детстве у бабушки был граммофон, эти пластинки шипели, хрипели и интереса у меня не вызывали. Однажды в гостях, где был один собиратель пластинок, я высказал свое несколько пренебрежительное отношение к старым пластинкам. Он возмутился, поехал к себе домой на другой конец Москвы, привез чемоданчик старых дисков, и я на плохоньком проигрывателе услышал в записи 1901 года

дуэт Медеи Ивановны и Николая Николаевича Фигнер — знаменитых петербургских певцов, солистов Мариинского театра. Я просто плакал, слушая их исполнение романса Глинки «Не искушай». Я услышал, как Варя Панина поет романс «Лебединая песня». И это надолго решило мою судьбу.

Как-то я задумался, почему я так влюблен в эти старые голоса. И обнаружил, что они сродни берестяным грамотам: мы слышим голоса людей, писавших на бересте, несмотря на то что они давно ушли. Так и тут: Николай Николаевич Фигнер умер в 1918 году, а голос его звучит и сегодня. И это великое чудо, это тоже прикосновение к тому, чего уже нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Ваши находки в Эрмит аж е?
Как их мож но посмот рет ь?*

— Лет 20 назад в Эрмитаж были взяты на реставрацию кое-какие наши находки, и с тех пор мы о них ничего не слышали. Новгород, в котором великолепный музей, является наследником и хранителем своих богатств. Поэтому все, что было найдено в Новгороде, до последнего ржавого гвоздя, мы передаем в коллекцию Новгородского музея. Кстати сказать, это позволяет нам в Новгороде пользоваться некоторым уважением, потому что, пока находки уходили в Исторический музей, в Эрмитаж, к нам относились как к пришельцам, которые оставляют после себя болото и кучи мусора.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Если мы в июне соберем ст удент ов и приедем к
Вам посмот рет ь, примет е?*

— С удовольствием, конечно, приезжайте, милости просим. Лучше всего приезжать в конце июля и в первой половине августа, потому что обычно к этому времени нам уже есть чем похвастаться. В июне новых находок еще мало,

а в середине августа начинаются дожди, портится погода, и от экскурсии вы получите гораздо меньше удовольствия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас многие презрительно отзываются о советском времени. Каково Ваше мнение о нашем совсем недавнем прошлом?

— Мы прожили историю, из которой ничего выбросить нельзя. Когда мы учились, нам объясняли, что наша история начинается с 1917 года, потом стали объяснять, что после 1917 года ничего не было. Было все. Была история, которая включает и отвратительное, и героическое.

А. С. Запесоцкий: — Что для Вас значит слово «монета» в философском смысле?

— Когда выпрашиваешь какие-то суммы на раскопки, то полученные «монеты» — чисто философские.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Валентин Лаврентьевич, как Вы думаете, когда потомки будут исследовать наше время, что им покажется наиболее интересным?

— Во все времена исследователям бывает интересна прежде всего молодежь, потому что она впитывает традиции прошлого и несет в себе заряд будущего, от нее зависит очень многое. Я больше всего ценю свою работу в университете, которая позволяет мне десятки лет иметь дело с молодежью. И когда говорят, что молодежь сейчас стала какая-то другая, не такая, как была раньше, — это пустые разговоры. Всегда большинство молодежи было

прекрасным, меньшая часть — не очень хорошей, и эта пропорция достаточно стабильна.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Как Вы считаете, где уровень образования выше — у нас или за рубежом?*

— Если выпускники наших вузов востребованы за рубежом, то, наверное, все-таки и там достаточно высоко ценят нашу школу. Мы все время говорим об утечке мозгов. Куда бы они «утекали», если бы ничего не стоили?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Последний вопрос не последней вст речи: что бы Вы хотели еще раскопать, Валентин Лаврентьевич?*

— Новгород. Новгород, больше ничего.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Сколько веков осталось?*

— Давайте считать. В будущем году исполняется 70 лет работы археологической экспедиции в Новгороде. За это время раскопано 2–2,5 % площади — одна пятидесятая. Все остальное — впереди.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *И в завершение вот такая записка: «Вопросов нет, мы просто хотим сказать спасибо, что Вы нашли время рассказать нам так много интересного».*

— Спасибо большое и вам. Напоследок хочу сказать, что никогда в жизни не видел в одном месте так много красивых девушек.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Поэтому мы здесь и работаем. Я хочу поблагодарить за сегодняшнюю встречу нашего гостя Валентина Лаврентьевича Янина и выразить надежду, что мы его еще не раз увидим в нашем Университете.